

*Посвящается Дженне,
которая пустила меня на ночлег*

EYE OF THE ALBATROSS
VISIONS OF HOPE AND SURVIVAL

CARL SAFINA

Тразами арьдаторса

КАРЛ САФИНА

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2022

УДК 598.2
ББК 28.693.35
С21

Переводчик Елена Борткевич
Научный редактор Евгений Коблик, канд. биол. наук
Редактор Наталья Нарциссова

Сафина К.

С21 Глазами альбатроса / Карл Сафина ; Пер. с англ. — М. : Альпина
нон-фикшн, 2022. — 624 с. — (Серия «Животные»).

ISBN 978-5-00139-692-5

В этой книге известный американский эколог и зоолог Карл Сафина отправляется в путешествие вслед за альбатросами в надежде, что они откроют ему свой мир. Проводником в путешествии становится вполне реальный альбатрос по кличке Амелия. На наших глазах разворачивается драматичная и поэтическая история борьбы и надежды, исключительной выносливости и жизненной стойкости. Стремясь узнать больше об альбатросах, попутно автор знакомится со многими представителями дикой природы, обитающими в океане. Сафине удастся не просто увидеть мир, в котором они живут, но и взглянуть на него их глазами. Сплетая метафорическое с реальным, он гармонично сочетает научные и исторические факты с приключениями и захватывающими сюжетными поворотами. Вместе с Амелией мы перемещаемся в пространстве и времени, проникая в отдаленные и неприступные края обитания альбатросов.

Книга «Глазами альбатроса» была удостоена медали Джона Берроуза за лучшее произведение по естествознанию и охране природы, а Национальная академия наук США назвала ее лучшей книгой года.

УДК 598.2
ББК 28.693.35

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alпина.ru

ISBN 978-5-00139-350-4 (Серия «Животные»)
ISBN 978-5-00139-692-5 (рус.)
ISBN 978-0-8050-6229-8 (англ.)

© Carl Safina, 2002
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Прелюдия	13
Знакомство	27
Узы	75
На свободу	III
В бирюзовой обители	161
Снова в путь	199
Маленький мир	227
На пределе возможностей	287
На отмели Альбатросов	357
Мидуэй	421
Из крайности в крайность	487
Морские пути	517
Дом кочевников	559
Старания и везение	587

Благодарности.....	605
Избранная библиография	611
Предметно-именной указатель	615

*Самодержавный властелин
Страны снегов и мглы
Любил ту птицу и отмстил
Хозяину стрелы*.*

СЭМЮЭЛ ТЕЙЛОР КОЛЬРИДЖ.
ПОЭМА О СТАРОМ МОРЯКЕ (1798)

*Невозможно передать тебе всю полноту того
волнующего чувства, отчасти радостного,
а отчасти пугающего, с которым я готовлюсь
к отплытию. Я направляюсь в неизведанные края,
в «страну снегов и мглы», но альбатроса убивать
не стану, поэтому не волнуйся о моей безопасности
и не переживай, что я вернусь домой таким
же истерзанным и измученным, как «старый
моряк». Такая аллюзия вызовет у тебя улыбку, но
я раскрою секрет... Я не могу объяснить словами,
что происходит сейчас у меня на душе... любовь
к чудесному, вера в чудесное торопят меня оставить
знакомые дороги... ради бурных вод и никому
не известных земель, которые мне предстоит
исследовать... Встретимся ли мы с тобой вновь,
суждено ли мне вернуться из странствий по
бескрайним морям? ...Я не отваживаюсь даже
надеяться на такую удачу... Я нежно люблю
тебя. И если нам не случится больше увидеться,
вспоминай обо мне с душевной теплотой.*

МЭРИ ШЕЛЛИ.
ФРАНКЕНШТЕЙН (1818)

* Здесь и далее строки из «Поэмы о старом моряке» приведены в переводе Н. Гумилева. — *Прим. перев.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда-то я более десяти лет посвятил исследованию морских птиц, главным образом изучению охотничьих повадок двух видов крачек. Я полюбил их за присущее им сочетание красоты и грации и благодаря им познал суть систематического поиска истины, который мы называем научным методом. Каждый раз, будь то в море или на суше, вновь и вновь я убеждаюсь в своих чувствах к этим птицам, полным изящества. Но многие удивительные стороны их жизни, в частности их путешествия, остаются за пределами видимого, скрытыми от глаз.

Не так давно я отправился вслед за альбатросами по привычным для них местам в надежде, что они раскроют мне свой мир. Увиденный мною отрезок их жизни — и то, что я узнал о нашем с ними совместном существовании, — представляет собой историю борьбы и надежды, исключительной выносливости и жизненной стойкости. Эти птицы многому меня научили.

Странствующий альбатрос (*Diomedea exulans*) — самый известный вид семейства, и морские путешествия стали главной причиной, по которой я выбрал этих птиц себе в компаньоны. Они познакомили меня со многими представителями дикой природы, обитающими в океане. Попутно

выяснилось, что альбатросы совершенно замечательны во многих отношениях, и я не просто сумел увидеть мир, в котором они живут, но и, благодаря неуловимой перемене восприятия, взглянуть на него их глазами. При этом в нашем путешествии мы будем следовать за одним вполне реальным темноспинным альбатросом (*Phoebastria immutabilis*) по кличке Амелия.

Большинство людей признает внешнюю красоту природы; при этом мы склонны думать (а чаще всего лишь догадываться), что жизнь в дикой природе сложна, опасна и коротка. Я предоставил Амелии возможность начертить для меня карту ее мира, чтобы посетить ее владения и их окрестности, населенные другими существами. Из того, что мне довелось увидеть, стало понятно: основные трудности в жизни животных незначительно отличаются от наших с вами. Хотя человечество еще не справилось с проблемой собственной жестокости и насилия, в нашем представлении — или воображении — животный мир чрезмерно суров. На самом же деле жизнь отдельных видов порой удивительно постоянна и продолжительна, щедра на любовь и ласку. Главная причина, по которой мы зачастую не замечаем этого, в том, что мы никогда не просили другое существо показать нам, как оно проводит свои дни. Я надеюсь, что вы вместе со мной проникнетесь теплыми чувствами к Амелии и ее соплеменникам, осознаете себя частью единой пульсирующей жизненной энергией семьи и почувствуете желание взять и на себя заботу о душе мира.

Это документальная книга, но с одной маленькой оговоркой. Все люди и места в ней вполне реальны, все события произошли во время моих путешествий, и я описал их максимально правдиво. Амелия — самая что ни на есть настоящая птица. Она действительно проделала весь этот

путь, и мы узнали о нем благодаря закрепленному на ней передатчику, который регулярно сообщал нам о ее местоположении. Карты ее полетов точно соответствуют данным прибора. Однако то, с чем столкнулась эта птица и что испытала, всего лишь догадки, опирающиеся на точный маршрут ее путешествий, на мои собственные наблюдения за повадками альбатросов и на известные факты о них. Во время своих путешествий Амелия побывала именно в тех местах, что здесь описаны, а вот рассказ о том, что с ней там происходило, основан на общих сведениях об альбатросах.

В конечном счете батарейка в передатчике Амелии села, и мы не знаем, где она сейчас. Но для нее это и не так важно, как для нас. Даже если нас не будет, она останется альбатросом, а эти птицы прекрасно жили и за миллионы лет до появления людей. А вот мы появились в мире, где уже обитали альбатросы, и они нужны нам, чтобы мы могли доказать самим себе, что можем быть по-настоящему человеческими.

Сентябрь 2001 года
Монток, Лонг-Айленд

Прелюдия

К вечеру, когда стихает ветер, Амелия уже в сотнях километров от берега — теперь ей приходится полагаться на собственные силы и делать взмахи чаще обычного. Грудные мышцы сокращаются, заставляя удлинённые крылья рассекать воздух подобно лопастям пропеллера, чтобы удерживать птицу в полете, из-за чего она быстро теряет запасы энергии, не успевая их восполнять. С легким порывом ветра Амелия взмывает к небу, но тут же вновь оказывается во власти земного притяжения и плавно, будто снежинка, скользит вниз в потоке воздуха. Пролетая над океаном, она чертит кончиком крыла тонкую линию по его поверхности, оставляя на воде размашистый росчерк. Этот недолговечный след — единственное свидетельство ее присутствия — мгновенно исчезает, устремляясь вдогонку той, что непрерывно движется вперед.

Как только ветер возвращается, птица расправляет крылья и на протяжении сотен километров продолжает свой путь в полной неподвижности, волнообразно планируя благодаря движущей силе воздушных потоков. В этот момент она похожа на корабль с наполненными ветром парусами. Американский поэт Арчибалд Маклиш писал: «Без слов стих лучше, равен он парящей птице».

Амелия — живое воплощение этих строк, поэзия, парящая над океаном.

Восхитительные создания, которых мы называем альбатросами, — величайшие в мире странники, способные преодолевать внушительные расстояния. Альбатросы — большие обитатели больших морей — живут легко и привольно, не ведая границ пространства и времени, путешествуя от края до края безбрежных на вид океанов. Совершать дальние перелеты им помогает поистине удивительное строение тела, благодаря которому они способны планировать сколь угодно долго.

Анатомия крыла альбатроса не такая, как у других пернатых, в большинстве своем приспособленных к машущему полету. Все дело в том, что альбатросы чаще парят в воздухе, чем летают. В отличие от других видов птиц, активный полет которых обеспечивается удлинненным пястно-запястным отделом передней конечности, у альбатросов пропорции крыла схожи со строением человеческой руки: длинное предплечье и короткая кисть — будто в людях тоже заложена способность парить. И если бы нам вдруг случилось превратиться в птиц, то, вероятнее всего, мы стали бы альбатросами.

Такие физиологические параллели наводят на мысль о нашем символическом родстве с этими птицами. Герой «Поэмы о старом моряке» Сэмюэла Кольриджа, моряк, погубивший альбатроса, в наказание носит на шее свидетельство своего преступления против природы. Уже тогда, два столетия назад, альбатрос считался символом удачи и добрым спутником, а тех, кто причинял ему вред, ждало возмездие. Образ величественной морской птицы вполне подходил для назидания всему человечеству. Кольридж,

который альбатросов никогда не видел, понимал это. Понимаем это и мы с вами.

У многих из нас внутри живет собственный незримый альбатрос. Под спудом повседневности томится наша истинная сущность — тот самый странник с широко распростертыми крылами, жаждущий открывать новые горизонты и мчаться наперегонки с ветром, не упускающий ни единой возможности и готовый вобрать в себя весь мир; он оставляет следы, которые сохраняются лишь в нашей памяти, и для нас одних рисует карту жизни и времени.

Альбатрос — величественная симфония плоти, органов чувств, костей и перьев, созданная из дальних перелетов и положенная на мотив переменчивых ритмов света, ветра и воды. Поразительная музыкальность полета альбатроса объясняется не столько его внешним видом, сколько контрапунктной сюитой действия и бездействия, из которых состоит его движение вперед. Птица рассекает воздушный океан на высокой скорости, сохраняя при этом покой, — исполин, который пронесится по ветру, ни разу не взмахнув крыльями. Как отдельные ноты складываются в мелодию при взаимодействии друг с другом, так и неподвижность птицы превращается в полет на фоне проносащегося мимо пейзажа. Она следует за кораблем, смотрит на вас, кружит над судном от носа до кормы, не отставая ни на секунду, миную волну за волной, милю за милей. Наблюдая за ней, вы не устаете удивляться: «Как ей это удастся?»

Не прилагая большого труда, альбатрос преодолевает огромные расстояния за счет противостояния двух величайших земных сил: притяжения и восходящих потоков воздуха. В своем полете он полагается на те факторы, которые остальные пернатые стремятся преодолеть. А альбатрос

взаимодействует с воздушными потоками и гравитацией и потому не знает себе равных в полете. Возможно, именно из-за того, что он остается статичен, перемещаясь под действием невидимых сил, художники редко берутся запечатлеть его, хотя эта птица и считается одним из главных символов моря. Иллюстратор-анималист и писатель Ричард Эллис объясняет это так: «Альбатрос постоянно в движении, и передать его образ при помощи привычных средств — непростая задача для большинства художников». И правда, посмотрите, как быстро альбатрос скользит над океаном, чтобы не отстать от корабля: он не просто летит — он, точно пилот, управляет своим внушительным телом. Да еще с каким изяществом!

Альбатрос держится в воздухе непринужденно, и это не просто видимость. У качающегося на волнах странствующего альбатроса сердце бьется чаще, чем во время планирования. У чернобрового альбатроса (*Thalassarche melanophris*) полет отнимает не больше сил, чем высиживание яиц в гнезде. А изучавшие метаболизм сероголовых альбатросов (*Th. chrysostoma*) ученые отметили, что затраты энергии на полет у них «ничтожно малы». Раскрою вам один из секретов этих птиц: все долгие часы, а иногда и дни полета альбатросам не требуется удерживать вес крыльев. Система из крючковидного отростка на плечевой кости и особых сесамовидных косточек в локтевом суставе позволяет им устойчиво зафиксировать крылья в раскрытом положении, что немного напоминает механизм складного ножа.

Безмятежное кружение этих птиц-великанов над бушующим морем всегда производило сильное впечатление на мореплавателей в непогоду. Чарльз Дарвин во время кругосветного путешествия 1833 года на корабле «Бигль», застигнутый бурей у мыса Горн, писал: «Удивительно было наблюдать за

тем, как плавно скользит по ветру альбатрос, тогда как от нас движение вперед требовало невероятных усилий».

Несколько лет назад, когда недалеко от тех мест наш 80-метровый корабль попал в сильнейший шторм и сутки не мог сдвинуться с места, я наблюдал за тем, как альбатросы самым непостижимым образом парили в воздухе, невзирая на ураганный ветер: они кружили над нашим парализованным судном с невероятным спокойствием, не обращая, по-видимому, ни малейшего внимания на оглушительный рев пенных волн. В XIX веке, заинтересовавшись парением альбатросов, капитан Жан-Мари Ле Бри подстрелил одного из них. Подставив крыло птицы ветру, он был настолько поражен его аэродинамическими свойствами, что, по его же словам, мгновенно постиг тайну полета. Позже в Бретани Ле Бри построил из дерева и парусины крылатую лодку, которую, конечно же, назвал «Альбатрос». В один из воскресных дней 1856 года ее водрузили на повозку и пустили лошадей во весь опор с холма. Летательный аппарат, пилотируемый Ле Бри, воспарил на сотню метров над землей. Для начала эры авиации оставалось только дожждаться изобретения двигателя, способного обеспечить эту машину энергией.

Мореплаватели столетиями восхищались исключительными размерами и выносливостью альбатросов, но разгадать маршруты океанских путешествий этих птиц не могли. Куда они летают? Моряки строили догадки, иногда довольно близкие к истине. Ученые высказывали ошибочные предположения. Но представить себе всей картины не мог никто, потому что альбатросы живут с невообразимым размахом.

В последние годы появилась возможность отслеживать перемещения альбатросов при помощи передатчиков, посылающих сигналы на орбитальные спутники, и истинный масштаб их путешествий превзошел все ожидания. Прежде

чем альбатросы достигнут зрелости, они годами кружат над открытым океаном, никогда не опускаясь на твердую поверхность, порой ни разу не увидев даже проблеска суши на горизонте. В течение жизни они проводят 95% времени в море, причем большую часть его — в полете. Их изменчивый мир необузданных вод и ветров пребывает в постоянном движении, а земля необходима им лишь для гнездования. Для того чтобы вывести птенцов, альбатросы разыскивают самые отдаленные острова в сотнях, а иногда и тысячах километров от большой земли. И даже на самых уединенных архипелагах эти птицы часто предпочитают строить гнезда на крошечных окруженных водой скалах, как будто чем меньше вокруг суши, тем им лучше. Когда приходит время покинуть далекий остров и отправиться на поиски пищи для проголодавшегося птенца, альбатросы порой совершают путь в несколько тысяч километров, во время которого выслеживают добычу, спят на лету, охотятся при свете солнца и луны — и все лишь для того, чтобы один раз вдоволь накормить единственного детеныша, большого, ненасытного, готового неделями ждать пищи. За долгие часы полета птицы преодолевают огромные расстояния, проносятся в потоках ветра вдали от берегов, которые лишь изредка мелькают на горизонте. И если бы они прокладывали свой маршрут по экватору, то за год могли бы три раза обогнуть Землю. К 50 годам альбатрос пролетает около 6 миллионов километров.

Альбатрос — весь порождение воздушной стихии и снаружи, и изнутри: его органы окружают воздушные мешки, которые заходят даже в полые кости крыла. Скелет альбатроса — это всего лишь 13% от общей массы его тела. Вы, вероятно, рассчитываете услышать о мощных летательных мышцах, но и здесь эти птицы вас удивят. У других видов пернатых вес этой группы мышц достигает 16% от общего,

а у альбатросов тот же показатель не превышает и 9%, при этом у таких гигантов, как королевский (*Diomedea epomophora*) и странствующий альбатросы с их тощими бицепсами, он и вовсе равен скромным 6%*. Эти создания — настоящие воздухоплавательные машины. Именно длинные узкие крылья наделяют альбатросов способностью к неограниченно долгим перелетам. У странствующего альбатроса соотношение размаха крыльев к ширине крыла составляет 18 к 1, как у самых совершенных планеров, созданных человеком. Аэродинамическое качество крыла альбатросов — отношение подъемной силы к лобовому сопротивлению — удивляет пропорцией 40 к 1, что в три раза больше, чем у многих орлов**.

Черпая энергию главным образом из природных стихий, королевский и странствующий альбатросы с чрезвычайной легкостью парят в воздухе, но при этом не приспособлены к продолжительному активному полету. Они вынуждены

* Сейчас выделяют два вида королевских альбатросов — северный и южный. — *Прим. науч. ред.*

** У птиц, использующих «статическое парение» в восходящих термических потоках над сушей (орлов, грифов, аистов и др.), необходимая несущая площадь крыла добирается за счет и длины, и ширины. Для альбатросов и их родственников характерно «динамическое парение», использующее разницу в скорости ветра у поверхности моря (где движение воздушного потока замедляется трением о воду) и в более высоких слоях атмосферы. С учетом многочисленных мелких завихрений воздуха, а также периодически возникающей необходимости лететь «галсами» по касательной к направлению ветра, для такого типа полета подходят лишь узкие несущие поверхности. Поэтому достаточная для парения площадь крыльев добирается в основном за счет их длины. У морских птиц, как и у сухопутных, наблюдается увеличение весовой нагрузки на крылья с возрастанием размеров тела. У качурок она составляет около 0,20 г/см², у буревестников и тайфунников — 0,35–0,95 г/см², у крупных буревестников и альбатросов — свыше 1 г/см². — *Прим. науч. ред.*

пережить безветренную погоду, покачиваясь на волнах. Их существование полностью зависит от того, поднимется ли ветер вновь. К счастью для птиц, недостатка в нем нет, по крайней мере пока. И конечно же, стать такими, какими мы их теперь знаем, альбатросы могли только в самом ветреном месте на Земле — в Южном океане, где изобильные потоки воздуха дали жизнь доселе непревзойденной способности к полету.

Почти все в альбатросах совершенно и исключительно. Исключительный размер. Исключительная продолжительность полетов. Исключительная выносливость. Даже у самых мелких представителей семейства размах крыльев достигает почти двух метров. Странствующий и королевский альбатросы обладают самыми длинными крыльями в природе — около 3,5 метра от кончика до кончика. Вес странствующих альбатросов порой составляет 12 килограммов, что в два раза больше веса самой крупной особи белоголового орлана (*Haliaeetus leucocephalus*). Эти пернатые очень велики. Птенцы странствующего альбатроса набирают до 15 килограммов, превосходя своих родителей, а потом теряют в весе перед тем, как встать на крыло. Спустя годы, когда птица достигает половой зрелости, приходит время для поиска пары и ухаживаний, что нередко занимает не менее двух лет. Королевские и странствующие альбатросы начинают размножаться только к 13 годам. Единственное яйцо, масса которого иногда приближается к 500 граммам, они насиживают в течение двух месяцев. Птицы поочередно сменяют друг друга в гнезде. Альбатросы, чьи партнеры по какой-то причине не вернулись, могут немислимо долго оставаться на месте, поджидая их. Если одна из птиц пропадает или умирает, вторая продолжает высидывать птенца до конца инкубации, теряя до трети своего веса, прежде чем голод вынудит ее отправиться в море. Известен случай, когда альбатрос, который по

Самые длинные крылья в природе. Странствующий альбатрос

какой-то причине потерял пару, целых 108 дней преданно насиживал неоплодотворенное яйцо. Для оставшейся в живых особи смерть спутника означает, что она пропустит от одного до четырех циклов размножения, потому что на ухаживания уходят годы. Выведение потомства растягивается самое малое на восемь месяцев, а некоторым видам альбатросов для этого требуется год. При этом за все время, что проходит от появления яйца до первого полета птенца, пара проводит вместе всего от пяти до десяти дней. Многие представители семейства выводят потомство только раз в два года; светлоспинный альбатрос (*Phoebetria palpebrata*) делает это раз в три-четыре года — самый низкий репродуктивный показатель среди птиц.

У живых существ с таким необычайно медленным темпом воспроизводства судьба вида зависит от продолжительности жизни взрослых особей — при этом они исключительно

долго сохраняют способность к репродукции и в этом больше похожи на людей, чем на других животных. В долголетию альбатросы также часто не уступают людям. Самым старым представителем вида — а возможно, и самой старой окольцованной птицей в дикой природе — на сегодняшний день является королевский альбатрос, возраст которого составляет около 60 лет. По некоторым оценкам, эти птицы вполне могут прожить столетие. Хотя сказать наверняка пока сложно, потому что изучать их начали относительно недавно*.

В дополнение к описанному сходству с людьми альбатросы хоть и обитают вдали от цивилизации, все чаще и чаще поневоле оказываются связаны с нами одной судьбой. За долгую жизнь во время своих длинных перелетов они успевают столкнуться со всеми видами вмешательства человека в их мир — от рыболовецких траулеров до антропогенных изменений климата. Порождения стихий — ветра, воды, погодных явлений — и дикой природы, альбатросы обитают там, куда человек вторгается самыми разными способами. И как бы ни повлияли люди на океан, альбатросы обязательно это почувствуют.

— Теперь я принадлежу к высшей касте смертных, потому что видел альбатроса! — торжествовал американский орнитолог Роберт Кашмен Мерфи во время своей

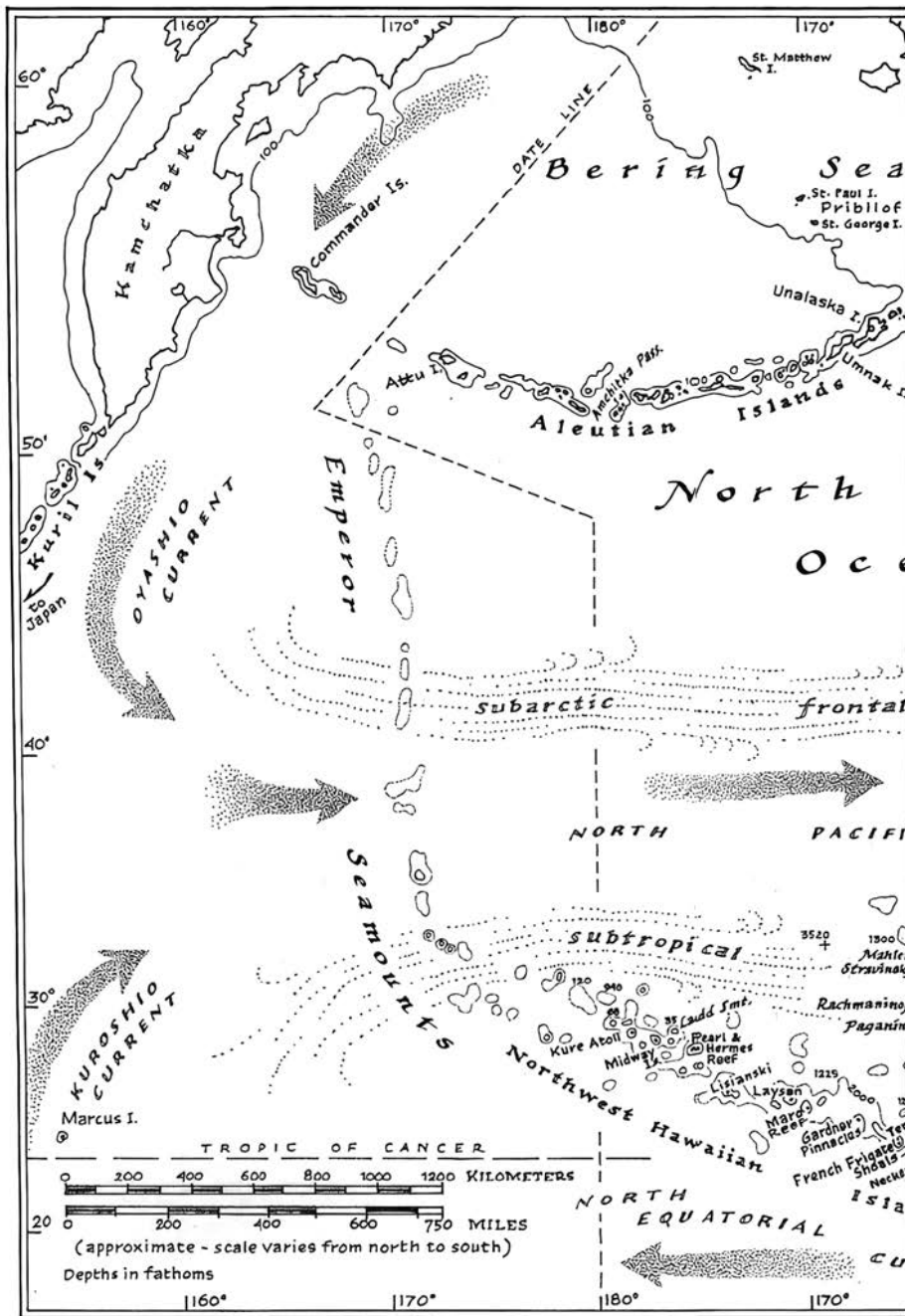
* По последним данным, самым старым, к тому же до сих пор размножающимся альбатросом (и самой старой птицей с документально подтвержденным возрастом) является самка темноспинного альбатроса по кличке Уиздом (Мудрость). Она была окольцована на островах Мидуэй в 1956 году, в возрасте около пяти лет (возраст установлен по промежуточному наряду оперения), и сейчас ей 70. В 2021 году у Уиздом и ее партнера Акиакмая (эта пара образовалась в 2012 году) вылупился еще один птенец. — *Прим. науч. ред.*

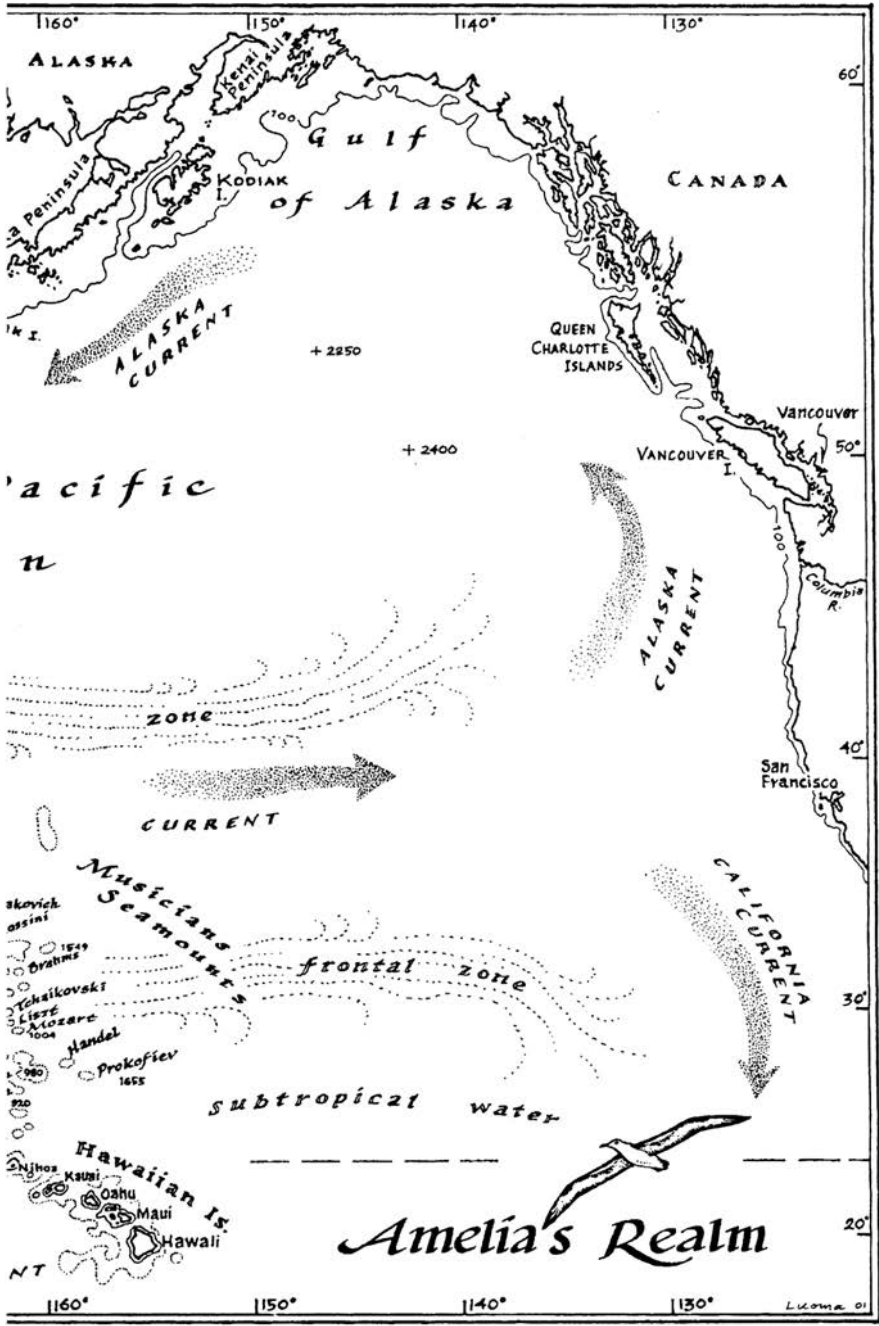
первой экспедиции по южной части Атлантического океана в 1912 году. Встреча с этими птицами вызывает в людях глубокое чувство сродни религиозному. Однажды утром, когда мы возвращались после осмотра небольшой колонии странствующих альбатросов на острове в водах Антарктики, один из моих спутников заметил: «У меня такое чувство, будто в церкви побывал».

Когда я впервые оказался в месте гнездования королевского альбатроса на новозеландском острове Кэмпбелл, у меня неожиданно возникло ощущение, будто мой рядовой визит напоминает аудиенцию у существ, которые не просто занимают, а по праву населяют эту землю. Казалось, они служат объяснением самого существования острова, олицетворяя собой медленное движение Глубокого времени посреди величественных морских просторов. Прежде чем я направился к спуску с холма, осмотр гнезд успел превратиться в паломничество. Там, в присутствии этих птиц, нами овладело проникновенное чувство, которое позже мы, не сговариваясь, описали одним и тем же словом — безмятежность. Выдающийся орнитолог доктор Фрэнк Джилл, который объездил весь мир, изучая пернатых, вспоминал свои наблюдения за гнездящимися странствующими альбатросами:

— Столько мудрости было в их глазах, повидавших немало за долгие годы! Из всех впечатлений от созерцания птиц именно это стало самым волнующим.

Во время своих путешествий альбатросы встречаются с невероятным количеством живых существ, среди которых другие птицы, рыбы, киты, акулы, морские черепахи, тюлени и некоторые удивительные люди. Следуя за альбатросами, вы расширите свои горизонты и тоже узнаете этих достойных восхищения обитателей великолепного мира под названием океан.

Владения Амелии

ЗНАКОМСТВО

Переверните картинку вверх ногами — разницы не заметите. Синяя плоскость неба над вами, синяя плоскость моря под вами и облака между ними. Мир морских птиц прост.

Под ослепительно-белыми облаками — темные бескрайние просторы океана. Проносясь на маленьком самолете сквозь висящие над необъятной синевой клубы пара, мы вспоминаем, что наша голубая планета обязана своим цветом облакам и морю, двум состояниям воды. Отсюда можно пробежаться взглядом по бледной дуге горизонта или смотреть на небо и море вокруг. Внизу под нами чуть подернутая рябью арена, и, с какой скоростью ни двигайся, мы всегда остаемся в самом ее центре под куполом небосвода. Я вдруг отчетливо понимаю, что, если забытья и просто смотреть на океан, он выглядит ошеломляюще огромным. Осознание этого приходит постепенно, но становится неизбежаемым потрясением.

Прошло уже несколько часов с тех пор, как оставшиеся позади главные Гавайские острова растворились в тропических водах, будто кусочки масла на разогретой сковороде. С рассвета, пока солнце все выше и выше поднимается у нас за спинами, пропеллеры, захлебываясь, тянут наш

пятиместный самолет к западу от Гонолулу, преодолевая почти тысячу километров пути над морем.

Отсюда на воде видны узоры. Интригующие узоры. Нежно-голубой цвет преобладает на зыбкой поверхности океана, но в некоторых местах зазубренные выступы рисуют на ней округлые завитки, похожие на огромные отпечатки пальцев, или спирали, или концентрические круги, выгравированные дыханием ветра. На темных участках проступают длинные светло-синие прожилки, напоминающие стрии на округлившемся чреве Матери-Земли.

Линия, уходящая за пределы видимого, отделяет обширные области светлой воды от более темных. Эта граница между двумя столь разными водными массами наглядно демонстрирует тот факт, что определяет жизнь и передвижения всего находящегося там, внизу: океан не просто чаша с водой, а сверкающая, разнородная мозаика грандиозных размеров.

Спустя несколько часов захватывающего полета на синей поверхности океана проступают едва заметные очертания бирюзового пятна. Постепенно оно начинает обретать четкость: это отмели, окружающие широкую, искрящуюся под солнцем лагуну. Атолл Френч-Фригат-Шолс — конечный пункт нашего путешествия. Ажурные волны разбиваются о риф, диаметр которого составляет около 30 километров. С высоты буруны, набегающие на фестончатые выступы, подобны белому жемчужному ожерелью на бирюзовой шее. Над главной лагуной атолла эффектной доминантой вышается каменный бастион около 200 метров в длину и 36 в высоту, заостренный с обоих концов, как топор. Это скала Лаперуза, остаток кратера древнего вулкана, на месте которого возник атолл.

Мы снижаемся. Окружающий нас Тихий океан мягко вздымается и опадает, напоминая своим спокойствием дремлющего кота. Риф круто взмывает вверх из настоящей морской бездны в километры глубиной, отчего вода ближе к нему меняет цвет с темно-кобальтового на нефритово-зеленый с белыми барашками волн. На вылизанном прибоем гребне рифа кораллы кажутся бежевыми. Их поверхность рассекают борозды, будто оставленные волнами в их бесконечном возвратно-поступательном движении.

Внутри образованной кораллами лагуны дно светлеет ярко-зелеными отмелями, испещренными редкими заплатками темных лавовых глыб. Местами на мелководье проступают плоские островки. Сердцевина некоторых из них зеленеет растительностью, от воды ее отделяет яркий ободок кораллового песка. Другие — низкие настолько, что с них смывает любую зелень, — сияют ослепительной белизной.

Когда мы заходим на посадку, чтобы приземлиться на один из островов — Терн («Крачка»), — второй пилот Рон Лам надевает шлем.

— На случай, если громадный альбатрос пробьет ветровое стекло, — говорит он, затягивая ремешок, и тут же со смешком добавляет: — Или если пилота убьет во время приземления.

Нам со спутником, доктором Дэвидом Андерсоном, шлемы никто не предлагает.

Пилот Боб Джастмен в разговор не вступает. Он сосредоточен и делает все для того, чтобы шлемы нам не понадобились.

Ближе к земле от сопровождавшей нас в воздухе прохлады не остается и следа, и застекленный салон самолета оказывается во власти парникового эффекта. Это яркое

подтверждение того, насколько тонка пелена спасительного тепла, окутывающая нашу планету. Все живое на Земле обитает в тончайшем мыльном пузыре.

Стремительно приближаясь к грунтовой взлетно-посадочной полосе, Джастмен замечает:

— Вот это да! Сколько там птиц в небо поднялось!

По обеим сторонам от нас ввысь взмывает великое множество морских птиц. Встречным ветром многих из них сносит в сторону аэродрома.

Вдруг впереди мелькает размытый силуэт, а затем раздается удар в лобовое стекло — такой силы, что, открыв глаза, я удивляюсь тому, что птица не внутри салона.

У Джастмена вырывается крепкое словцо.

— Ну как тут избежишь столкновения? — сокрушается он.

Самолет подруливает к месту стоянки.

Остров просто крошечный, метров 800 в длину и 150 в ширину. Я замечаю написанную от руки вывеску со словами: «Добро пожаловать в международный аэропорт острова Терн, высота над уровнем моря 2 метра». Терн не совсем обычный остров. Во время Второй мировой войны американские военные взяли пяточок суши площадью 0,04 квадратных километра, расширили его, а потом надстроили на нем вытянутый прямоугольник, создав тем самым что-то вроде наземного авианосца. Поэтому «береговая линия» большей частью представляет собой стену из ржавого металла, хотя со временем вдоль нее, особенно со стороны лагуны, образовался небольшой намыв. Примерно треть острова занимает расположенная по центру взлетно-посадочная полоса, а оставшимся по обе стороны от нее пространством завладели растительность и птицы. В здании бывшей казармы, стоящем на краю, теперь живут и работают ученые.